

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАНДАРТНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ (В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ СЛАВИИ)

ANNA KRETSCHMER

University of Vienna, Department of Slavonic Studies, Vienna, Austria,
anna.kretschmer@univie.ac.at

Аннотация В работе предлагается многокомпонентная модель для исследования нестандартной письменности позднего периода Православной Славии – как методологическая база подобного рода исследований. Непосредственным предметом анализа является конкретный текст со всеми его характеристиками, как языковыми, так и экстралингвистическими. Предлагается также типологический подход к Православной Славии (особенно поздним ее фазам). Так, были выявлены два культурных архетипа, которые условно обозначаются как материковый и островной (к которому можно отнести культуры восточных славян в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой и сербов в империи Габсбургов).

**Ключевые
слова:**

Slavia Orthodoxa,
многоуровневый
анализ,
подход от текста,
методология,
культурология

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF PRESTANDARD LITERARY LANGUAGES (BASED ON THE SLAVIA ORTHODOXA THEORY)

ANNA KRETSCHMER

University of Vienna, Department of Slavonic Studies, Vienna, Austria,
anna.kretschmer@univie.ac.at

Abstract In this paper, a model for analysis of older literature in the later Slavia Orthodoxa period will be presented. The model consists of linguistic components, as well as textological, linguocultural and sociolinguistic components. Additionally, a typological approach to the area of Slavia Orthodoxa is proposed here – with the two main types of culture. They can preliminary be noted by terms such as mainland and island types. This later period is well represented in the east Slavonic culture in the Grand duchy of Lithuania (resp. The Kingdom of Poland) and in the so-called slavo-serbian culture, created by the Serbs in Austrian Empire in about 1760.

Keywords:

Slavia Orthodoxa,
multicomponential
analysis model,
typological
approach,
methodology,
culturology

1 Вводные замечания

Основной целью данной работы является привлечение исследовательского внимания к письменности достандартного периода в т. н. Православной Славии (*Slavia Orthodoxa*), и преимущественно к методологическим аспектам ее исследования. Тема будет здесь представлена на примере восточнославянского и сербского регионов этого ареала. Его культурная модель (а тем самым и письменность) показывает ярко выраженную специфику и сущностные отличия от культур как неправославных славян (т. н. *Slavia Latina (Romana)*), так и Западной Европы. В фокусе интереса находится письменность заключительного периода этого культурного континуума, т. е. XVII–XVIII вв. (относительно некоторых регионов этого ареала данный период можно датировать даже XIX в.). В отличие от, например, собственно средневековой фазы более поздние эпохи письменности Православной Славии изучены, как правило, сравнительно слабо и неравномерно. Поскольку интересующее нас время непосредственно предшествовало началу формирования современных письменных (позднее стандартных) языков, исследовательское направление, занимающееся этой фазой истории письменности, нами условно обозначается как *историческая стандартология*. Обращение же к методологическим аспектам исследования мотивировано гетерогенностью и существенными дефицитами именно методологической его базы.

2 Православная Славия в научных исследованиях: проблемы и вопросы

Несмотря на очевидную гомогенность старой культурной парадигмы Православной Славии, она, как правило, слабо учитывается при исследовании письменного и культурного наследия. Такие исследования, за редкими исключениями, проводятся в узких национальных рамках современных языковых стандартов и национальных культур. Такой ансторический подход, не учитывающий глобального культурно-исторического контекста соответствующих эпох и регионов, уже сам по себе не может считаться адекватным в методологическом отношении. Методология исследования старой письменности у православных славян показывает и другие дефициты – начиная с отсутствия разработанного, относительно гомогенного

методологического (как, впрочем, и теоретического) аппарата для такого рода исследований.

Проблемы исследования письменности Православной Славии обусловлены как объективными, так и субъективными факторами. К первым можно отнести комплексную природу письменных манифестаций языка, особенно в нестандартное время. Если т. н. *внутренняя* история языка, история его эволюции, оперирует в рамках собственно языковой системы, то история письменности представляет собой своего рода *внешнюю* историю языка, для адекватного исследования которой только лингвистического анализа недостаточно. Решение таких объективно данных проблем, однако, возможно – просто исследование не уделяло до сих пор методологии нужного внимания, механистически перенося на внешнюю историю языка методы, разработанные для исследования внутренней его истории. Субъективные же факторы, осложняющие адекватное научное исследование истории письменности православных славян, заданы преимущественно вненаучными, нередко идеологическими соображениями. Вопрос этот достаточно сложен и, кроме того, не является сам по себе предметом данной работы. Ограничимся поэтому лишь упоминанием (в первую очередь, в иллюстративных целях) некоторых из таких факторов.

3 Восточно-славянский культурно-языковой ареал

Так, исследование истории письменности восточно-славянского ареала многие десятилетия находилось в сфере влияния советской идеологии. Результатом стала официальная советская концепция автохтонного, непрерывного и поступательного развития русского литературного языка – от т. н. древнерусского до настоящего времени. Сходные концепции представлены и относительно других восточнославянских языков, украинского и белорусского. При этом статус и влияние церковнославянской письменности в языковой и культурной истории восточного славянства представлялись как маргинальный и крайне незначительный фактор (ср. Kretschmer 1986). Примечательно, что распад СССР – 30 лет назад – не привел к существенной деидеологизации исследования. На смену старой, советской, пришли новые, национально окрашенные идеологии. Такие вненаучные «наносы» хорошо заметны и в современной исторической украинистике,

несколько менее в белорусистике. Кроме подчеркнутой акцентуации автохтонности украинского и белорусского языковых стандартов, сюда следует отнести активный «передел» восточно-славянской культурной истории и наследия на землях Великого княжества Литовского и польско-литовского государства между украинистикой и белорусистикой, причем одни и те же явления, памятники, имена объявляются то украинским, то белорусским культурным наследием.

4 Сербский культурно-языковой ареал

Проблематика таких субъективных факторов по-иному выражена в исторической сербистике. Весьма значимым фактором, как в диахроническом, так и в синхронном аспектах, следует признать исключительную ее ориентацию на модель литературного сербского языка, созданную гениальным самоучкой Вуком Караджичем в рамках парадигмы Романтизма. Примечательно, что и сегодня, двести с лишним лет спустя, модель эта в сербистике (и Сербии) принимается как аксиома, а любые другие модели литературных (стандартных) языков – как заведомо неправильные, худшие в сравнении с моделью Караджича. Это еще более примечательно, если учесть, что практически ни один из современных славянских языковых стандартов не был сформирован по модели, предложенной Вуком, осуществленной им и его последователями на материале сербского языка и легшей в основу несколько более позднего общего сербохорватского (хорватско-сербского) языкового стандарта. Одним из последствий этого является исключительно отрицательное отношение в исторической сербистике к т. н. *славяносербской* культурно-языковой традиции, граничащее с ее стигматизацией. При этом такое отрицательное отношение не обосновывается, а славяносербская эпоха остается и сегодня практически неизученной. А ведь эта своеобразная культурная и языковая модель, созданная сербами, бежавшими от турецкого гнета на австрийские земли, просуществовала – и весьма успешно – практически целый век (от 1760-х до 1850-х гг.).

Глорификация модели Вука приводит и к другим, методологически проблематичным тенденциям и явлениям. В то время, как изучение собственно цксл., сакральной письменности это затрагивает сравнительно мало, на подход к изучению светской письменности это оказывает прямое

влияние. В фокусе ее исследования практически всегда черты т. н. народного языка (при чем само это понятие не определяется) – преимущественно фонетические и морфологические. Таким образом имеет место методологически неоправданная априорная селекция параметров анализа, а сам анализ имеет точечный, эклектический характер. Если учесть еще и то, что сохранившийся текстовый корпус изучен и опубликован весьма неравномерно – относительно как временных, так и региональных и жанровых показателей (ср. Кречмер 2013), как и то, что при анализе практически не учитывается глобальный контекст Православной Славии, то состояние методологии изучения сербской письменной традиции нельзя признать удовлетворительным.

5 Некоторые методологические размышления

Мы считаем подход к письменной ситуации прошлого в рамках современных национальных языковых стандартов в целом методологически более чем спорным. Предлагаемая нами модель оперирует поэтому в глобальных рамках ареала т. н. *Православной Славии* как гомогенного культурного континуума, стабильного в течение многих веков. Концепция эта была предложена около 60 лет назад в основополагающих трудах Н. И. Толстого и Рикардо Пиккио (Толстой 1961, Picchio 1962). Не останавливаясь здесь далее на этой теме, приведем лишь наиболее значимые дистинктивные признаки Православной Славии, существенные для нашей модели анализа и ее методологического аппарата.

Одной из главных особенностей старой православной славянской культуры несомненно следует признать ее практически исключительно сакральный характер – что, помимо прочего, обусловило отсутствие в ней вплоть до Нового времени светских жанров. В Православной Славии эти жанры были представлены лишь в устной фольклорной культуре, подвергавшейся гонениям со стороны церкви и государства, особенно сильно у восточных славян. Сакральный характер письменной культуры, ее тесная связь с областью веры, обусловили ее стабильность во времени и пространстве на территории всего ареала Православной Славии – поскольку всякое изменение, по крайней мере, потенциально, могло рассматриваться как проявление ереси. Стабильным был в течение веков и ее жанровый репертуар – Толстой в данной

связи даже говорят о *каноне*. Им была сформулирована строго иерархически организованная модель этого канона, верхние ярусы которой занимают наиболее авторитетные в культурной парадигме Православной Славии жанры – литургика, патристика, агиография (Голстой 1988). Своеобразной была и языковая ситуация Православной Славии – *диглоссия*, т. е. особенная форма сбалансированного двуязычия (Ferguson 1959; Успенский 1983; ср. т. Kretschmer 1994). Обе ее языковые подсистемы имеют строго отдельные сферы применения (принцип *дополнительного функционального распределения*) и различный статус. Причем язык с более высоким статусом (*high variety*), как правило, есть и язык веры, церкви. Таким языком в Православной Славии был церковнославянский – в оппозиции к местным живым идиомам.¹

Если начало культурной парадигмы Православной Славии в ее регионах связано с принятием христианства по византийскому обряду, то конец ее в разных сегментах этого ареала наступает с большим временным отрывом и происходит по-разному. По ряду причин именно этот период представляется особенно значимым для исследования. Для восточнославянского региона его можно условно определить XVII – началом XVIII вв., для сербского концом XVII – началом XIX вв.

По ряду причин мы считаем метод моделирования наиболее плодотворным при исследовании старой письменности и ее языка. Особенно если они рассматриваются как культурологическое целое в рамках соответствующего глобального культурно-исторического контекста. При разработке модели мы опирались на уже имеющиеся работы и концепции в интересующей здесь области – их, к сожалению, совсем немного. Это типологические модели славянских литературных (стандартных) языков Д. Брозовича (Brozović 1970) и Н. И. Толстого (Голстой 1985). И сегодня еще ими практически и ограничиваются исследования в данной области (ср. т. Kretschmer 1997). Это, далее, работы одного из лучших знатоков истории русской письменности А. В. Исаченко (Issatschenko 1975; 1980 и 1983). Сюда же следует безусловно отнести синтезирующий подход к истории Православной Славии и ее

¹ В восточнославянском регионе была представлена, видимо, даже *триглоссия* – в отличие от православного южнославянского пространства цксл. здесь не смог проникнуть в сферу деловой письменности. Как предполагают некоторые ученые, к моменту принятия христианства уже существовала стабильная восточнославянская традиция устного судопроизводства (*oral law*), возникшая, возможно, по образцу скандинавской (ср. Seemann 1982, 1983).

письменной культуры в блестящих трудах Н. И. Толстого (см. список литературы). Большое значение для наших исследований играла и играет несколько нами модифицированная уже упомянутая концепция *диглоссии*. Взгляды Успенского на нее получили дальнейшее освещение и развитие в работах Г. Хюттла(ь)-Фольтер (см. список литературы) и В. М. Живова (Живов 1996). Своего рода синтез центральных тем и вопросов в данной области был предложен и нами (ср. Кречмер 1995).

В развитии методологической базы модели важная роль принадлежит также концепции *герменевтического круга познания* в понимании австрийского эпистемолога (гносеолога) В. Штегмюллера (Stegmüller 1975). Не останавливаясь здесь далее на ней, приводим лишь вкратце особо значимые для нашей модели ее положения:

- Принципиальная аппроксимативность познания языка.
- Эксплицитное включение интроспекции исследователя в анализ.
- «Круговой» (скорее даже «спиральный») метод исследования: формулировка предпосылок (рабочей гипотезы) на основании уже имеющихся знаний и интроспекции исследователя; затем эмпирическая их проверка на корпусе; на базе этого соответствующая модификация модели; вновь эмпирическая проверка и т. д. – концентрические «круги познания», все более приближающие нас к объекту исследования.

К центральным методологическим постулатам нашей модели относятся и следующие:

- Отказ от априорной селекции как относительно объекта, т. е. анализируемого текстового корпуса, так и параметров анализа.
- Метод сплошной дескрипции корпуса в первичной стадии исследования. Как известно, в методологическом отношении различаются модели различных уровней – *дескриптивные, экспланативные, прогностические*. Язык представляет собой особо сложный объект для исследования, поскольку является одновременно и инструментом познания. Поэтому действительно реальным и

адекватным на начальной стадии исследования мы считаем достижение только дескриптивного уровня.

- Исследование достандартных форм языка затрудняется отсутствием в эти периоды кодифицированной нормы. Как возможное решение проблемы мы предлагаем подход от нормы *авторитетного текста*, сформулированный российским медиевистом и библеистом А. А. Алексеевым (Алексеев 1987). Главным механизмом стабилизации и традирования нормы в достандартные, докодификационные эпохи он считает норму, представленную в наиболее в данный период у данного социума авторитетных текстов.
- Непосредственным предметом исследования является конкретный *текст* со всеми его характеристиками, не только языковыми. Письменные манифестации языка по сути своей всегда представляют собой явления надлингвистические. История письменности – «внешняя» история языка, в значительной степени детерминируемая глобальным социокультурным контекстом. Поэтому для ее исследования только лингвистических методов недостаточно. В соответствии с этим модель является многоуровневой и содержит лингвистическую, текстологическую (текстуальную), экстралингвистическую и этнолингвистическую (лингвокультурную) компоненты.

Лингвистическая составляющая базируется на принципе сплошной дескрипции материала на всех языковых уровнях. Исследования показывают, однако, что определенные языковые системы, прежде всего, лексика и синтаксис, являются, видимо, особо значимыми для исследования (ср. Hüttl-Worth 1978).

Текстологическая составляющая многогранна и объединяет в себе параметры стилистики, собственно текстологии (включая медиевистическую) и лингвистики текста. Границы между ней и языковой составляющей соответственно размыты. В настоящий момент можно выделить следующие ее параметры: структурный, интенциональный, жанровый (системное место данного жанра в данную эпоху / данном регионе), стилистический.

Экстралингвистическая составляющая представлена на данном этапе преимущественно социолингвистическими параметрами. Наиболее важные из них – *автор* (его биографический контекст: происхождение, образование, культурная и языковая позиция; его творчество: интенциональность, жанровый состав, язык и стиль) и *рецептивный* параметр (восприятие текста и его интенциональности современниками и последующими поколениями; его влияние на культурно-языковой контекст).

6 О текстовом корпусе

Модель анализа поступательно применяется и проверяется на текстовых корпусах, до сих пор слабо или практически неизученных, а именно на «Славяносербских хрониках» Джорджа Бранковича (ок. 1645–1711 г.); на частной переписке Московской Руси (1603–1731 гг.) и на т. н. славяносербской письменности (ок. 1760 – ок. 1850 гг.). Представим их вкратце.

«Славяносербские хроники» были созданы в конце XVII – первые годы XVIII в. Единственная их сохранившаяся рукопись (протограф), содержащая около 2500 страниц, хранится в библиотеке Сербского патриархата в Белграде. Из этого периода сохранилось очень мало светских сербских текстов, жанрового аналога этот текст из данной эпохи не имеет. Напротив, он сам стал образцом для сербской историографии XVIII в.

Корпус частной русской переписки поздней Московской Руси содержит более 1000 писем с весьма широким социальным и региональным диапазоном. Частная корреспонденция представляет собой весьма значимый источник как для реконструкции языкового узуса эпохи, так и для реконструкции ее жизненного контекста, сознания и мировосприятия – поскольку речь идет о неофициальной письменности, не предназначенной для посторонних глаз.

Славяносербскую письменность создали сербы, бежавшие в конце XVII века от турецких репрессий на земли империи Габсбургов. Здесь они веками находились в постоянной контактной ситуации с иноязычным, иноконфессиональным и инокультурным доминантным большинством и с культурной парадигмой Западной Европы. Этот очень крупный корпус с

широким диапазоном жанров и функциональных стилей обработан и изучен пока лишь выборочно.

7 Место заключения

Представим в дальнейшем некоторые результаты наших исследований. Подход от текста как целостного объекта исследования и метод сплошной дескрипции, охватывающей все языковые уровни, позволяют получить адекватный материал для реконструкции как языковой ситуации в конкретный период в конкретном регионе (жанре), так и динамики ее развития. Так, исследование текстов конечного периода старой Православной Славии показало существенную дифференциацию внутри этого ареала относительно как восточнославянского, так и сербского его регионов. Нам удалось выделить два культурных архетипа, которые условно можно обозначить как: (1) *материковый* и (2) *островной*. К первому можно отнести культуры домонгольской Восточной Славии, дотурецкой Сербии, Московской Руси; в определенной степени также культуру сербов под турецкой властью. К *островному* типу можно отнести культуру восточных славян в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой в XIII–XVIII вв. И культуру сербов на австрийских землях в XVIII–XIX вв.

В ходе исследования мы не раз сталкивались с тем, какую интересную информацию содержат в себе старые тексты об эпохах, в которые они были написаны, о людях и их восприятии себя и мира. Этот этнолингвистический и культурологический исследовательский потенциал старой письменности пока не оценен по достоинству в исторической славистике. Примером редкого исключения из этого правила является блестящая зарисовка В. Н. Топорова, чья тема обозначена уже самим ее названием: «Московские люди XVII века (к злобе дня)» (Топоров 1993). Метод, в ней предложенный, представляется нам весьма плодотворным. В нескольких своих работах мы уже применили его на определенных корпусах (ср. Kretschmer 2009, Кречмер 2009, 2012, 2018). В результате были получены интересные данные, позволяющие пластично воссоздавать мировосприятие и жизненный контекст («микромир») данных регионов и эпох Православной Славии. А также существенные различия внутри этого ареала в зависимости от времени и пространства. Такие различия очень заметны, например, при сравнении поздней Московской Руси (XVII –

ранний XVIII вв.) и сербских земель того же периода. Так, жизненный контекст в Московской Руси фокусирован практически исключительно на *микромир* – жизненный контекст отдельной семьи (рода). Интерес же к событиям *макромира*, к судьбам государства, мира практически не представлен. Как, впрочем, и эмоциональный и/или интеллектуальный аспекты. Причем это относится практически ко всем слоям русского общества и даже к личностям, активно участвовавшим в русской политике – как, например, князь В. В. Голицын, боярин Стрешнев и др. Конечно, эти данные получены на специфическом корпусе – частной переписке. Однако, ведь именно здесь, в этом сугубо неформальном, непубличном жанре наиболее достоверно отражается мировоззренческая парадигма русского человека предпетровского и раннего Петровского времени. Между тем, в «Славяносербских хрониках», созданных на рубеже XVII–XVIII вв., перед нами предстает православный серб, получивший традиционное для Православной Славии образование – но хорошо знакомый и с Античностью, и с европейской и славянской историей, знающий несколько языков, весьма начитанный, интересующийся как историей прошлого, так и политическими событиями своего времени. И человек политически активный. Конечно, в методологическом отношении следовало бы сравнивать корпуса более близкие по параметрам. Но русского аналога историографическому труду автора «Славяносербских хроник» нет – и не могло быть, именно в силу различий в мировосприятии и в восприятии культуры и учености в этих регионах Православной Славии. А частной переписки с сербских территорий из этого времени не сохранилось.

Различия показывает и в целом сравнение текстового корпуса *материкового* и *островного* типов культур православного славянства, о которых говорилось несколько раньше. Таких сравнительных исследований, к сожалению, практически пока нет. Наша же собственная работа в данной области находится в самой начальной своей стадии, как и исследование *островных* культур в целом. В отношении культуры восточных славян в польско-литовском государстве (т. н. *Юго-Западной Руси*) исследовательская деятельность в последнее время, правда, усилилась – но отсутствует момент сравнения. Исследования проводятся раздельно и не координированно, в рамках исторической украинистики и белорусистики (историческая русистика в этом практически не участвует).

Главной целью данной работы было привлечь внимание к проблемам, вызванным дефицитами и неоднородностью методологии исследований достандартного письменного наследия православного славянства, чья старая культура существенно отличается от культуры как неправославного славянства (*Slavia Romana / Latina*), так и Западной Европы и требует поэтому разработки собственной, адекватной объекту исследования методологии. Надеемся, что это нам, хотя бы частично, удалось – хотя немало вопросов и проблем данной исследовательской области все еще ждут своей очереди.

Литература

- Анатолій А. АЛЕКСЕЕВ, 1987: Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. *Вопросы языкознания* 2, 34–46.
- Виктор М. ЖИВОВ, 1996: *Язык и культура в России XVIII века*. Москва.
- Анна КРЕЧМЕР, 1995: Актуальные вопросы истории русского литературного языка. *Вопросы языкознания* 6, 96–123.
- Анна КРЕЧМЕР, 2009: Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. С. М. Толстая и др. (ред.), *Категория родства в языке и культуре*. Москва. 36–56.
- Анна КРЕЧМЕР, 2012: Картина мира Православной Славии накануне Нового времени (на русском и сербском материале). Е. А. Березович и др. (ред.). *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*. Мат-лы II межд. науч. конференции. Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г. Екатеринбург. 29–30.
- Ана КРЕЧМЕР, 2013: О важности издавања црквенословенских споменика из завршног периода Православне Славije. *Miklosichiana Bicentennialia*. САНУ. Ур. Јасмина Грковић-Мејдор и др. Посебна издања, књ. DCLXXV, Одељење језика и књижевности књ. 58. Београд. 17–31.
- Анна КРЕЧМЕР, 2018: Макро- и микромир русского человека поздней Московской Руси (на материале частной переписки). Е. Н. Руденко, А. А. Кожина (ред.). *In honorem* (сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна). Минск. 133–145.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1961: К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. *Вопросы языкознания* 1, 52–66.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1962: Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв. Р. И. Аванесов, С. И. Котков (изд.). *Вопросы образования национальных языков*. Москва. 5–21.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1963: Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.). *Славянское языкознание*. V Межд. съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва. 230–272.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1978: Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX в. *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*. Москва. 269–328.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1979: Литературный язык у сербов в XVIII в. (до 1780 г.). *Славянское и балканское языкознание*. История литературных языков и письменность. Москва. 154–201.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1985: Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения). Н. И. Толстой, *Функциональная стратификация языка*. Москва. 9–24.
- Никита И. ТОЛСТОЙ, 1988: Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку. Н. И. Толстой, *История и структура славянских литературных языков*. Москва. 164–173.
- Владимир Н. ТОПОРОВ, 1993: Московские люди XVII в. (к злобе дня). В. Н. Топоров (ред.). *Philologia Slavica* (к 70-летию академика Н. И. Толстого). Москва. 191–219.

- Борис А. УСПЕНСКИЙ, 1983: *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*. IX Международный съезд славистов. Доклады. Москва.
- Герта ХЮТТЛ-ФОЛЬТЕР (G. HÜTTL-FOLTER), 1978: Диглоссия в Древней Руси. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 24, 108–123.
- Герта ХЮТТЛ-ФОЛЬТЕР (G. HÜTTL-FOLTER), 1982: Проблематика языкового наследия XVII века в русском литературном языке нового времени (XVIII в.). *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 28, 9–24.
- Герта ХЮТТЛ-ФОЛЬТЕР (G. HÜTTL-FOLTER), 1987: Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 33, 7–21.
- Dalibor BROZOVIĆ, 1970: *Standardni jezik*. Zagreb.
- Charles FERGUSON, 1959: On Diglossia. *Word* 15, 325–359.
- Gerta HÜTTL-WORTH, 1978: *Zum Primat der Syntax bei historischen Untersuchungen des Russischen*. Studia Linguistica Alexandro Vasiliū filio Issatschenko a collegis amicisque oblata. Lisse. 187–190.
- Alexander ISSATSCHENKO, 1975: *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache*. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 298. Bd., 5. Abhandlung. Wien.
- Alexander ISSATSCHENKO, 1980: *Geschichte der russischen Sprache*. Bd. 1. Heidelberg.
- Alexander ISSATSCHENKO, 1983: *Geschichte der russischen Sprache*. Bd. 2. Heidelberg.
- Anna KRETSCHMER, 1986: *Zur Diskussion um den Ursprung des russischen „literaturnyj jazyk“* (seit Ende der 50er Jahre). Bochumer Slavistische Beiträge 8. Hagen.
- Anna KRETSCHMER, 1994: Und noch einmal zur Diglossie. *Wiener Slavistischer Almanach* 33, 181–195.
- Anna KRETSCHMER, 1997: Problemi tipologije slovenskih standardnih jezika. *Prvi Hrvatski Slavistički kongres*. T. I. Zagreb. 289–296.
- Anna KRETSCHMER, 2009: Человек за письмом (русский человек Петровского времени в частной переписке). Juliane Besters-Dilger, Fedor B. Poljakov (Hg.), *Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation – Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация* (Gedenkschrift für G. Hüttl-Folter). Русская культура в Европе – Russian Culture in Europe 5. Frankfurt/M. u. a. O. 267–287.
- Riccardo PICCHIO, 1962: Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition. *Welt der Slaven* VII, 1–27.
- Karl-Dieter SEEMANN, 1982: Loquendum est russice & scribendum est slavonice. *Russia Medievalis* V, 103–136.
- Karl-Dieter SEEMANN, 1983: Die „Diglossie“ und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Rußland. *Slavistische Forschungen* 40. Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistenkongreß in Kiev. Köln, Wien. 553–561.
- Wolfgang STEGMÜLLER, 1975: *Der sogenannte Zirkel des Verstehens*. Darmstadt. 63–88.

Methodological Aspects of the Research of Prestandard Literary Languages (Based on the *Slavia Orthodoxa* Theory)

This paper is based on the theory of the so-called *Slavia Orthodoxa* area proposed in about 1960 by two important researchers of the Old Slavia area, Nikita I. Tolstoy and Riccardo Picchio. With this term, they denote an homogeneous area (as far as written culture is concerned). This area has existed for many centuries. Its culture differs significantly from both non-orthodox Slavic cultures and those of the Western Europe. In this paper, we propose a model for analysis of the older literature in the later Slavia Orthodoxa period. Our approach is text focused – the subject of the analysis is the concrete text with all its features, language and nonlinguistic components. This pre-standard period of the language development of that area (e.g., XVII–XVIII cent.) is still poorly explored. Consequently, the model

contains different levels and deals with linguistic components, as well as textological, linguocultural and sociolinguistic parameters.

Another main focus of this paper is a typological approach to the area of Slavia Orthodoxa. The investigations of that area were (and are) mainly focused on its homogeneity, as well its diversity from non-orthodox Slavic as non-Slavic European cultures. But within Slavia Orthodoxa, different subtypes of culture are evident – especially in its last period. Two main types of culture inside of the later Slavia Orthodoxa area can be divided. They can be preliminary noted by the terms *mainland* and *island* types. This latter is well represented in two regions. The first example of this type is the east slavonic culture of the Grand duchy of Lithuania (resp. The Kingdom of Poland). These east slavonic and orthodox areas belonged to the west European and catholic states for many centuries. The other example of the *island* subtype represents the so-called *slavo-serbian* culture, created by the Serbs in the Austrian Empire in about 1760. Additionally, these Serbs were, for a very long time, a linguistic, ethnic, cultural – and confessional – minority in a strong catholic west European state.

The differences between these two main types are shown on the text corpus here that represent three different regions of Slavia Orthodoxa. They are:

- Private correspondence of the later Moscow Russia period – this corpus contains more than 1000 letters from the early Romanov time, as well the reign of Peter the Great (the earliest letter was written in 1603, the last one in 1731).
- The “Slavo-serbian Chronicles,” which were written in about 1700 by an Austrian Serb, G. Branković (about 1645–1711).
- The so-called slavo-serbian (these terms are not synonyms, but homonyms) literature which was developed by the Serbs in Austria and existed for about a century (about 1760 – about 1850).

